

И. Сурат

Событие стиха

<...>

Стихотворение «К морю» Пушкин начал писать в Одессе в июле 1824 года, узнав о предстоящем вынужденном расставании с возлюбленной, с благословенным краем, где он был счастлив, с той свободой, которую давала ему ссыльная одесская жизнь.

Завершены стихи уже в Михайловском в октябре 1824. Их исходная тема — утрата, прощание, но внутренний сюжет развивается не в русле этой темы, а в некотором смысле вопреки ей. Словарь в первых строфах, можно сказать, депрессивный («ропот заунывный», «грустный шум»), меняется по мере поэтического развития главного образа, который раскрывается, разрастается и переходит постепенно из интимно-лирического в монументальный план. Сам этот центральный, столь существенный в целом для Пушкина и столь общекультурно значимый, традиционный поэтический образ как будто обретает власть над душой поэта — *как будто*, ибо такова на самом деле породившая его творческая сила. «Свободная стихия», охарактеризованная вначале вполне традиционно и конкретно («волны голубые»), стихия, с которой прощались, оставляя ее в прошлом, обнаруживает в ходе стиха свою духовную природу и мощь. «Бездны глас», «своенравные порывы», «прихоть», «неодолимый», «могущ, глубок и мрачен», «ничем неукротим» — эти свойства сильного, свободного духа, раскрытые и названные поэтическим словом, становятся достоянием и поэта, и читателя. Работа над стихом выводит лирическое Я из прошлого в будущее, из замкнутого круга исходных унылых и сугубо личных настроений в большой мир европейской истории, в круг сомасштабных поэту исторических фигур (Наполеон, Байрон), в открытый мир духовной свободы. В этом и состоит событие стиха, происшедшее в процессе творения и преобразившее самого творца — к концу стихотворения лирическое Я обретает черты мужественности и того, что позже Пушкин назовет уникальными словами «самостоянье человека».

По прямому своему содержанию «К морю» — это стихотворение-прощание — с прошлым, с оставленной любовью, с романтическими иллюзиями и прежними кумирами, а главное — со свободой, морем олицетворяемой, однако в развитии стихотворения явлена такая несомненная свобода — чувств, лирического сюжета, стиха, — что реально и отчасти вопреки тексту оно оставляет ощущение именно свободы, которую, оказывается, можно унести в себе как неотчуждаемую ценность:

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн.
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волк.

Внешнее превращается во внутреннее — так развивается сюжет стихотворения. Может быть, впервые здесь у Пушкина свобода переходит из числа дарованных человеку внешних привилегий в качество внутренней жизни. Но эта внутренняя свобода личности — она же одновременно и «свободная стихия» большого мира в единстве природы и истории, внешнего мира, в котором живет и действует человек, — такова емкость образа моря и здесь, и в пушкинской поэзии вообще.

Реальная утрата, с которой начались стихи, обернулась в итоге обретением, укреплением духа, «мир опустел», но душа наполнилась, горькое переживание, давшее импульс стихотворению, изжито усилием творчества, претворено вдохновением в другую, высшую реальность, явленную в гармонии и поэтической роскоши двух последних строф.